

Эра Гукасова, Мира Гукасова
г. Краснодар, Российская Федерация

**Особенности перевода художественного текста
(на материале романа Ф.М. Достоевского
«Преступление и наказание»)**

The article gives a description of all types of translation transformations based on the novel by the classic of Russian and world fiction F.M. Dostoevsky and its translation into the modern Greek language by Sotiris Patadzis, in accordance with the typology of translation transformations proposed by L.K. Latyshev.

Keywords: Fyodor Dostoyevsky, translation, translational transformations, interlanguage transformations, categorical, morphological, lexical, syntactic and stylistic transformation

Целью настоящего исследования является выявление особенностей перевода романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» с русского языка на новогреческий язык.

Еще В.Н. Комиссаров определил художественный перевод как вид переводческой деятельности, основная задача которого заключается в порождении на ПЯ речевого произведения, способного оказывать художественно-эстетическое воздействие на ПЯ [2].

Обзор отечественной и зарубежной литературы, посвященной проблематике переводческих приёмов, позволяет сделать вывод о том, что существует два класса переводческих приёмов – подстановки и переводческие трансформации [1, с. 48; 3, с. 95]. Нам близка позиция Л.К. Латышева в этом вопросе, предложившего два основных класса переводческих приёмов: подстановки и трансформации.

По мнению Л.К. Латышева, все, что не есть подстановка, является трансформацией, а подстановка – когда фраза на исходном языке и её перевод полностью эквивалентны друг другу.

Проанализировав различные подходы к определению сущности переводческих трансформаций, мы разделяем точку зрения Л.К. Латышева, внесшего существенный вклад в разработку типологии переводческих трансформаций, который определяет переводческую трансформацию как «приём перевода, для которого характерен отход от семантико-структурного параллелизма между оригиналом и переводом» [4, с. 14].

Изучив опыт, накопленный наукой о переводе по исследуемой проблематике, мы позволили себе присоединиться к точке зрения

Л.К. Латышева, предложившего, на наш взгляд, конструктивную классификацию переводческих трансформаций. Избранная нами типология является единственной, учитывающей смешанный характер переводческих трансформаций. В основе классификации – понятие языковой асимметрии, затрагивающей ровни языка и речи (морфологический, синтаксический, лексический). В зависимости от того, на каком из языковых уровней возникает асимметрия исходного и переводческого высказываний, выделяются следующие типы трансформаций: категориально-морфологические, лексические, синтаксические, глубинные [4, с. 89]. При этом подчеркивается, что асимметрия может распространяться на один или несколько языковых уровней. Подобная классификация позволяет не только типизировать трансформацию, но и провести границу между трансформациями как таковыми и подстановками. Нам представляется целесообразным использовать избранную классификацию в качестве основы для дальнейшего движения в исследовании вопроса переводческих трансформаций.

Вслед за Л.К. Латышевым, мы выделяем три основных класса переводческих трансформаций: структурно-уровневые, касающиеся лишь плана выражения (структуры) исходного высказывания, когда само содержание исходного текста в переводе практически не меняется, а приобретает лишь иную организацию); глубинные, влекущие за собой более или менее ощутимые изменения исходного высказывания, и специальные приёмы перевода, сочетающие в себе признаки преобразований первого и второго классов переводческих трансформаций. Но граница между этими классами не абсолютна, некоторые типы трансформаций имеют признаки смежных классов, и отнесение их к одному из них условно, что придаёт и всей классификации относительный характер.

Обратимся к характеристике структурно-уровневых трансформаций, классифицирующим признаком которых является изменение языкового статуса трансформируемых единиц, в результате чего замещающая единица переводящего языка (ПЯ) получает иной статус, чем тот, который имеет замещаемая единица исходного языка.

Наиболее распространенным видом структурно-уровневых трансформаций являются категориально-морфологические трансформации. Категориально-морфологические (частеречные) трансформации выражаются в том, что взаимозэквивалентные (по своему денотативному содержанию) отрезки исходного текста (ИТ) и переводного текста (ПТ) представлены отличными друг от друга

категориально-морфологическими формами (в первую очередь различными частями речи) например:

*Должно быть, молодой человек взглянул на нее **каким-нибудь особнным взглядом**, потому что и в ее глазах мелькнула вдруг опять прежняя недоверчивость.* [7].

*Φαίνεται πως ο νέος την κοίταζε **πολύ παράξενα**, γιατί στα μάτια της παρουσιάστηκε ξαφνικά η ίδια εκείνη έκφραση **δυσπιστίας**.* [8].

В данном предложении конструкция местоимение+прилагательное+существительное *каким-нибудь особнным взглядом* заменено сочетанием наречие+наречие *πολύ παράξενα*.

Ср. также:

*Старуха помолчала, как бы в раздумье, потом отступила в сторону и, указывая на дверь в комнату, произнесла, пропуская **гостя** вперед: «Пройдите, батюшка.»*

*Η γριά σόλασε σα να σκεφτότανε. Ύστερα, του 'δείξε την πόρτα της κάμαρας και τραβήχτηκε από μπροστά (замена **гостя** местоимением) **του** λέγοντας: "Περάστε, παιδί μου".*

В переводе данного предложения с русского на новогреческий заменено слово *гостя* местоимением *του*.

Или:

*Ни **пылинки** нельзя было найти во всей квартире.*

*Σ' ολόκληρο το διαμέρισμα δεν θα μπορούσες να βρεις **ίχνος σκόνης**.*

Сочетание усилительной частицы *ни* +существительное в русском оригинале в переводе на новогреческий заменено сочетанием существительное+существительное.

*Главное: грязно, пакостно, гадко, гадко!.. **И я**, целый месяц...*

*Είναι βρώμικη, σιχαμένη, αηδιαστική όλη αυτή η ιστορία... Και **να σκέφτεται κανείς πως έναν ολόκληρο μήνα!**....*

Личное местоимение *я* в переводе на новогреческий также заменено сочетанием частица+глагол 3л.ед.ч.+неопределенное местоимение *να σκέφτεται κανείς*. Следует отметить, что категориально-морфологические трансформации применяются в процессе перевода весьма широко.

*Помню, **батюшка**, очень хорошо помню, что вы были, – **отчетливо проговорила** старушка, по-прежнему не отводя своих вопрошающих глаз от его лица* [7].

*Το θυμάμαι, **παιδί μου**, θυμάμαι πολύ καλά πως έχετε ξαναρθεί, απάντησε η γριά, **προφέροντας την κάθε λέξη καθαρά** και χωρίς να πάψει να τον κοιτάζει φιλόποπτα.* [8].

В оригинале видим обращение *батюшка* – именно русский речевой этикет того периода допускал подобное обращение безотносительно к

какому-либо лицу, хотя оно адресуется прежде всего к лицам духовного сословия и к близкому родственнику – к отцу. В тексте перевода это обращение старухи-процентщицы к Раскольникову заменено на *παιδί μου* (*дитя моё*) – оно приемлемо для греческого языкового сознания. Фрагмент русского предложения (а именно слова автора *отчетливо проговорила*) в новогреческом переводе преобразовано в деепричастный оборот *προφέροντας την κάθε λέξη καθαρά* (буквально: *проговорив каждое слово чисто*).

Другим распространенным видом структурных трансформаций являются синтаксические трансформации, связанные, как правило, с существенными изменениями в транслируемом содержании. Суть синтаксических трансформаций заключается в изменении посредством модифицирующих операций синтаксических функций слов и словосочетаний, другими словами, взаимозаменимые отрезки исходного и переводного высказывания представляются в переводе разными членами предложения. Проиллюстрируем сказанное примерами:

«Эй ты, **немецкий шляпник!**» – и заорал во всё горло, указывая на него рукой, – молодой человек вдруг остановился и судорожно схватился за свою шляпу. Шляпа эта была высокая, круглая, **циммермановская**, но вся уже изношенная, совсем рыжая, вся в дырах и пятнах, без полей и самым безобразнейшим углом заломившаяся на сторону [7].

"Ε, συ **με το γερμανικό καπέλο!**", ουρλιάζοντας με όλη του τη δύναμη και δείχνοντας τον μετο δάχτυλο. Ο νέος σταμάτησε απότομα και, με μια κίνηση νευρική, έφερε το χέρι στο καπέλο του. Ήτανε ένα καπέλο ψηλό και στρογγυλό, **που το είχε αγοράσει από τον Τσίμερμαν**, τριμμένο όμως από την πολυκαιρία, κοκκινισμένο, γεμάτο τρύπες και λεκέδες, με πεσμένα τα μπορ, που κρέμονταν στο πλάι κατά τον πιο αξιοθρήνητο τρόπο [8].

Во-первых, словосочетание *немецкий шляпник* (с видом связи согласование прил.+сущ. в Им.п.) переводится словосочетанием *με το γερμανικό καπέλο* (с видом связи согласование прил.+сущ. в П.п.).

Во-вторых, притяжательное прилагательное *циммермановская* в переводе на греческий язык заменено придаточным определительным *που το είχε αγοράσει από τον Τσίμερμαν*.

Кроме того, в переводе мы наблюдаем членение предложения. Вместо двух предложений оригинала, в тексте перевода представлено три предложения.

Немного спустя дверь приотворилась на крошечную щелочку: жилища оглядывала из щели пришедшего с видимым недоверием, и

только виднелась ее сверкавшие из темноты глазки. Но увидав на площадке много народу, она ободрилась и отворила совсем.

Σε λίγο η πόρτα μισάνοιξε σιγά και η γυναίκα, που καθότανε εκεί μέσα, κοίταξε προσεχικά και με ολοφάνερη δυσπιστία τον παρείσακτο μέσα απ' το μισάνοιχτο θυρόφυλλο: Μεσ στο μισοσκόταδο μονάχα τα μικρά ματάκια της γυάλιζαν. Καθώς όμως είδε πως υπήρχε κόσμος στο κεφαλόσκαλο, σιγουρεύτηκε και άνοιξε την πόρτα διάπλατα. [8].

Слово *жилица* заменено придаточным определительным *η γυναίκα, που καθότανε εκεί* (женщина, которая там сидела).

Белобрысые, мало поседевшие волосы ее были жирно смазаны маслом. На ее тонкой и длинной шее, похожей на куриную ногу, было наверхено какое-то фланелевое тряпье, а на плечах, несмотря на жару, болталась вся истрепанная и пожелтелая меховая кацавейка.

Το κεφάλι της ήτανε ξεσκέπαστο και τα γκριζωπά μαλλιά της γυάλιζαν απ' το πολύ λάδι. Ένα φανελένιο κουρέλι περιτριγύριζε τον αδύνατο, μακρουλό λαιμό της, που έμοιαζε με πόδι κότας. Παρ' όλη τη ζέστη, κρεμότανε στους ώμους της μια γούνα ξεφτισμένη και λερωμένη.

Простое предложение русского оригинала преобразовано в сложносочиненное в тексте перевода на новогреческий; краткое страдательное причастие *смазаны* в новогреческом языке переведено глаголом 3 л. мн.ч. *γυάλιζαν* (что в переводе означает *блестели*). Переводчик также прибегнул к добавлению фрагмента, очевидно, с целью усиления негативного впечатления при портретной характеристике образа старушки-процентщицы: *Το κεφάλι της ήτανε ξεσκέπαστο* (*голова ее была непокрыта*), что явно отсутствует в тексте оригинала.

Во втором предложении также используются такие трансформации, как перестановка членов предложения и членение предложений.

По нашим наблюдениям, в тексте перевода романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» на новогреческий язык из синтаксических трансформаций наиболее часто встречаемые – это членение предложений и перестановка членов предложения. Например,

После них стало тихо и просторно [7].

Όταν έφυγαν, απλώθηκε στην ταβέρνα ησυχία και ένιωθες πως υπήρχε μεγαλύτερη απλοχωριά. [8].

Как видно из примера, данное простое предложение русского языка переводчик на новогреческий преобразовал в сложно-подчиненное предложение времени, использовав временной союз *Όταν* в препозиции к главному.

Также нами обнаружена в тексте перевода трансформация сложносочиненного предложения с деепричастным оборотом в сложноподчиненное предложение с придаточным причины:

Φορούσε μια παλιά μαύρη ρεντικότα, ξεκουρελιασμένη, με τα κουμπιά κομμένα. Μονάχα ένα κουμπί ψευδοστεκότανε ακόμα. Είχε κουμπωθεί μ' αυτό σίγουρα, γιατί ήθελε να είναι μέσα στα όρια της ευπρέπειας. [8].

Одет он был в старый, совершенно оборванный черный фрак, с осыпавшимися пуговицами. Одна только еще держалась кое-как, и на нее-то он и застегивался, видимо желая не удалиться приличий.

Вышеприведенные примеры переводческих трансформаций на уровне синтаксиса демонстрируют гармонию сочетания синтаксических и категориально-морфологических трансформаций. В процессе перевода эти межъязыковые преобразования нередко выступают в сочетании друг с другом. Ведь замена категориальной формы члена предложения ИТ вызывает как следствие изменение его синтаксической функции, и наоборот, преобразования на уровне синтаксиса непременно влекут за собой превращения категориально-морфологического характера, что связано с наличием у каждой части речи предпочтений в области синтаксических функций.

Поскольку каждый язык имеет своеобразный строй, то эта особенность лексико-семантического аспекта каждого языка побуждает переводчика к осуществлению лексических трансформаций, суть которых заключается в перевыражении исходного содержания несимметричными лексическими средствами ПЯ, т.е. такими средствами, которые как единицы лексической системы ПЯ не эквивалентны использованным средствам ИЯ. Сопоставительный анализ ИТ и ПТ показал, что преобразования подобного рода при переводе художественной литературы с русского языка на новогреческий встречаются часто. Обратимся к примерам:

Απολάμβανε όμως την ευτυχία του ολομόναχου. Σ' όλες του τις εκρήξεις, ο σιωπηλός σύντροφος του, κρατούσε μια στάση εχθρική και δύσπιστη [8].

Но никто не разделял его счастья; молчаливый товарищ его смотрел на все эти взрывы даже враждебно и с недоверчивостью [7].

Здесь представлен такой вид лексической трансформации, как антонимический перевод: Отрицательная конструкция в русском языке *Но никто не разделял его счастья* в русском языке меняется в греческом переводе на утвердительную конструкцию: *Απολάμβανε όμως την ευτυχία του ολομόναχου*. И к тому же имеет место быть членение предложений.

На основании результатов сопоставительного анализа ИТ и ПТ мы, вслед за авторами изученных нами классификаций (Л.К. Латышевым,

А.Д. Швейцером, Л.С. Бархударовым и др.), выделяем в рамках лексических трансформаций как особые подтипы такие преобразования, при которых название целого заменяется названием частного или, наоборот, название части заменяется названием целого. Эти приёмы принято именовать конкретизацией и генерализацией.

Суть приёма конкретизации заключается в замене слова или словосочетания ИЯ словом с более узким значением. Например:

Φορούσε ένα σακάκι χωριάτικο, χωρίς μανίκια, γιλέκο μαύρο από σατέν, φοβερά λιγδιασμένο, χωρίς γραβάτα, κι όλο του το μούτρο γυάλιζε σα λαδωμένος συρτής [8].

Он был в поддѣвке и в страшно засаленном черном атласном жилете, без галстука, а всё лицо его было как будто смазано маслом, точно железный замок.

Согласно толковому словарю С.И. Ожегова, поддѣвка – это «длинная мужская верхняя одежда с мелкими сборками на талии» [5, с. 435]. Однако переводчик конкретизирует *ένα σακάκι χωριάτικο, χωρίς μανίκια* (деревенский пиджак без рукавов). Или другой пример:

"Όταν η μοναχοκόρη μου πήγε δια πρώτην φοράν να πάρει την κάρταν της, βγήκα κι εγώ να πάω κάπου... (διότι η κόρη μου έχει κάρτα κοινής γυναικός και ζει απ' αυτή τη δουλειά)...", πρόσθεσε ανοίγοντας μια παρένθεση και κοιτάζοντας το νέο κάπως ανήσυχα.

Когда единокордная дочь моя в первый раз по желтому билету пошла, и я тоже тогда пошел... (ибо дочь моя по желтому билету живет-с...) – прибавил он в скобках, с некоторым беспокойством смотря на молодого человека.

Переводчик использует приём конкретизации (*διότι η κόρη μου έχει κάρτα κοινής γυναικός και ζει απ' αυτή τη δουλειά*) по причине того, что желтый билет Сонечки Мармеладовой, которые выдавали в России описываемого периода женщинам лёгкого поведения, греческому читателю был бы непонятен.

Приём генерализации заключается в замене единицы ИЯ, имеющей более узкое значение, единицей ПЯ с более широким значением, иными словами, нечто специфическое, конкретное в переводе представляется обобщённо. При этом конкретное, специфическое опускается. Например:

Τη μάλλινη πελλερλίνα της, την ήπια κι αυτή! Και της την είχαν κάνει δώρο πριν απ' το γάμο μας, ήτανε καταδίκη της και όχι δικιά μου! Κι όμως μένουμε σ' ένα σπίτι πολύ κρύο. Το χειμώνα άρχισε να βήχει και να που τώρα φτύνει αίμα. [8].

Косыночку ее из козьего пуха тоже прошил, дареную, прежнюю, ее собственную, не мою; а живем мы в холодном угле, и она в эту зиму простудилась и кашлять пошла, уже кровью

В текста перевода на новогреческий язык косыночка козьего пуха просто переведена как *μάλλινη πελλερίνα* (т.е. шерстяная).

В следующем примере ярко выражена и такая трансформация, как добавление:

"Δε φοβάμαι αυτή τη στιγμή την Κατερίνα Ιβάνοβνα", ψέλλισε κατασυγκινημένος, "ούτε και με νοιάζει που θα με μαλλιοτραβήξει. Δεν είναι αυτό. Δε δίνω δεκάρα για τα μαλλιά μου. Θα σας πω μάλιστα πως είναι καλύτερα να μου τα τραβήξει. Όχι, δεν το φοβάμαι αυτό, φοβάμαι όμως τα μάτια της... ναι, τα μάτια της...

– Я не Катерины Ивановны теперь боюсь, – бормотал он в волнении, – и не того, что она мне волосы драть начнет. **Что волосы!.. вздор волосы!** Это я говорю! Оно даже и лучше, коли драть начнет, а я не того боюсь... я... глаз ее боюсь... да... глаз...[7].

В греческом предложении переводчик осознанно использует фразеологизм *Δε δίνω δεκάρα*, что равнозначно русскому фразеологизму *ломаного гроша не давать* (за что-л.) с целью показать читателю самоиронию, отношение к себе как к ничтожному человеку, эмоциональное состояние героя. Согласно новогреческо-русскому словарю И.П. Хорикова, М.Г. Малева, *δεκάρα* – это монета в десять лепт [6, с. 238].

Корректная передача смыслового наполнения текста иногда требует от переводчика полного лексического преобразования фразы или её части. Ср.:

Τον άνθρωπο, που πέφτει στην εξαθλίωση, δεν τον κυνηγάνε πια με το ραβδί, αλλά με τη σκούπα, για να γίνει το πράγμα ακόμη πιο ταπεινωτικό. Κι έχουν δίκιο, γιατί στην εξαθλίωση εμείς οι ίδιοι πρώτα-πρώτα είμαστε έτοιμοι ν' ατιμάσωμεν τον εαυτόν, μας[8].

За нищету даже и не палкой выгоняют, а метлой выметают из компании человеческой, чтобы тем оскорбительнее было; и справедливо, ибо в нищете я первый сам готов оскорблять себя [7].

В части *Κι έχουν δίκιο, γιατί στην εξαθλίωση εμείς οι ίδιοι πρώτα-πρώτα είμαστε έτοιμοι ν' ατιμάσωμεν τον εαυτόν, μας* вместо прямого перевода и справедливо, ибо в нищете я первый сам готов оскорблять себя, где используется местоимение 1 л. ед.ч., что является по мнению переводчика семантически некорректным, предлагается форма 1 л. мн. ч. *είμαστε* (мы готовы оскорблять нас).

Разумеется, не последнюю роль в процессе перевода играет соблюдение стилистического колорита, в котором выдержан исходный

текст. Суть стилистических преобразований заключается в замене стилистически окрашенных элементов исходного текста элементами переводного текста, лексически не соотнесенными с исходными, но передающими тот же стилистический колорит. Рассмотрим пример использования данной трансформации:

"*Χρυσούλι μου*", μου λέει! Κι είμαστε οι δυο μας, ολομόναχοι, καταλαβαίνετε; Τώρα, τί ομορφιά μπορεί να έχω εγώ και τί σόι σύζυγος μπορεί να είμαι; Κι όμως, μου κοπάνησε και μια τσιμπιά στο μάγουλο. "*Χρυσούλι μου εσύ!*", μου λέει"

«*Малючка, говорит, ты эдакая!*» И наедине-с, понимаете ли? Ну уж что, кажется, во мне за краса, и какой я супруг? Нет, уцлинула за щеку: «*Малючка ты эдакая!*»- говорит [7].

В исходном тексте русское уменьшительно-ласкательное обращение *малючка*, что означает согласно толковому словарю русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [5], «1. Очень маленькая рыбка 2. О человеке маленького роста (пренебр.) или о ребенке (разг.)» в новогреческом тексте передано выражением *Χρυσούλι μου* (*золотце моё*), посредством которого показан уровень отношений между героями произведения.

Литература

1. Каде О. Проблемы перевода в свете теории коммуникации. *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике*. М., 1978. С. 80-91.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
3. Латышев Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. М.: Просвещение, 1988. 160 с.
4. Латышев Л.К., Проворотов В.И. Структура и содержание подготовки переводчиков в языковом вузе. Курск: изд-во РОСИ, 1999. 135 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1998. 944 с.
6. Хориков И.П., Малев М.Г. Новогреческо-русский словарь. Под ред. П. Пердикиса, Т. Папандопулоса. М.: Культура и традиция, 1993. 856 с.
7. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание М., 1995. 430 с. Электронный ресурс: <http://2queens.ru/Uploads/Yelizaveta/ΠΡΕΣΤΥΠΛΗΝΗ%20Ι%20ΝΑΚΑΖΑΝΗΕ.pdf>. Дата обращения: 15.04.19.
8. Ντοστογιέφски Φιόντορ Εγκλημα και τιμωρία / Μεταφραστής Σ. Πατατζής. Αθήνα-Εκδοτικός οίκος Παπύρος, 1995. 478 σ. Электронный ресурс: http://www.academia.edu/29728340/Εγκλημα_και_τιμωρία_Φ.Ντοστογιεφски_Σωτηνης_Παταντζης_Εκδοσεις_DeAgostini_Hellas. Дата обращения: 15.04.19.